

НАТАЛИ КРАВЕЦ



ОТРАЖЕНИЯ

— Т Е Н И —



УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К77

Кравец, Натали.
К77 Отражения тени / Натали Кравец. — Москва : Эксмо,
2026. — 288 с.

ISBN 978-5-04-245913-9

Что скрывается за нашими страхами и выбором? Какой разговор мы ведем с самими собой, когда одиночество становится громче привычного шума жизни? Главный герой, Иван, оказывается на грани снов и реальности, где призрачные собеседники и случайные встречи вынуждают заглядывать в собственную глубину.

«Отражения тени» — это честный и ироничный внутренний монолог зрелого мужчины, балансирующего между прошлым и настоящим, поиском смысла и неизбежностью перемен.

Вернуться к уже пройденному пути или решиться шагнуть в неизвестность? Ответ всегда спрятан в отражении.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-245913-9

© Натали Кравец, текст, 2026
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

1	4
2	16
3	21
4	27
5	34
6	46
7	60
8	68
9	82
10	99
11	104
12	112
13	125
14	134
15	154
16	169
17	180
18	189
19	204
20	218
21	229
22	237
23	245
24	255
25	276

Огромный двор, залитый солнечным светом. Кроны старых каштанов, кажется, достают до небес. Старушки, судачащие на лавочке возле подъезда, бдительно охраняют порядок во дворе и моральные устои собственных взглядов. Распахнутые окна на первых этажах стыдливо прикрыты слегка раскачивающимися подзорами. Летние каникулы. Ощущение необозримости жизни и предстоящих необыкновенных приключений. Бесконечная легкость и радость бытия. Слышен только какой-то дребезжащий звук. Откуда он? Может, это грузовик на улице проехал, или радио из квартиры дяди Васи, отца моего друга Сашки. Звук становится все громче и настойчивее.

— Твою ж... что это такое? Кому это я понадобился в такую рань? — с неудовольствием выныривая из сна, слепо зашарил я рукой по кровати, пытаясь найти злополучный телефон. Очень уж не хотелось открывать глаза в надежде, что сон вернется, а может, этот звонок мне снится?

Яркая счастливая картинка рассеялась, оставив ностальгическую грусть, которую сейчас же сменила злость на звонящего.

— Кто это в такую рань? — завозилась рядом Алина. — Час как уснули.

— Где мой телефон?

— Где-то тут. Звонит, — она повернулась ко мне лицом. — А может, к черту его?

Она призывно обняла меня, прижавшись ко мне всем телом.

— Алина, мне нужно ответить, — отодвинулся я от нее, — может, что-то на работе.

Телефон продолжал звонить, а я все не мог его отыскать.

— Кто там такой настойчивый? — я уже начал злиться.

— Вот так всегда, — она обиженно надула губы. — Кто я для тебя?

Я нащупал телефон, завалившийся за спинку кровати. Отмахнулся рукой от претензий, да и от нее самой тоже. Алина встала и гордо вышла из спальни.

— Да. Я слушаю.

— Ванька? — закричали в трубке. — Ванька Барский?

— Да, я Иван Тимофеевич Барский, но никак не Ванька. Чем могу быть полезен?

— Так это же я, Простаков Валька! Не признал меня? Ну ты и лошара! — захохотал собеседник. — Одноклассник твой.

— Одноклассник? — сон потихоньку отступал, уступая место удивлению.

— Ну да! Забыл, что ли, наш десятый «А»?

— Помню. Почему же забыл, — досадливо поморщился я. — А как ты меня нашел, Валька? Я же из города уехал и телефон несколько раз менял.

— Да уж, считай, двадцать лет прошло, — продолжил с восторгом рассказывать Валя. — Мы уже месяц всех разыскиваем. Я уже могу опером работать.

— Ладно, Валька, остановись. Скажи, что тебе нужно? Просить что-то будешь? Денег? Помочь решить вопрос? Или если ждешь, что я от восхищения твоими розыскными способностями что-то сделаю для тебя, ты заблуждаешься...

— Да ладно тебе, Ванек. Зазнался ты совсем. Ничего просить не буду. Выстрел мимо, — ни капли не обидевшись, захохотал Валик.

— А что тогда? — удивился я, потирая гудящую от вчерашнего веселья и внезапного пробуждения голову.

— Буду предлагать. В этом году юбилей нашего выпуска. Собираем всех. Мария Никитична предложила все организовать. Кто такая Мария Никитична, еще помнишь? — иронично произнес Простаков.

— Это Метла, что ли? Она жива еще? Она же уже при нас старухой была.

— Это мы молодые были просто, — снова захохотал приятель, — нам тогда так казалось. А ей тогда, между прочим, было столько, сколько нам сегодня. Ты же себя стариком, поди, тоже не считаешь? Она еще очень энергична и бодра.

— У меня не получится... Работы много. Да и ехать же... Это нужно дня три освобождать минимум, — уверенно отчеканил я.

Сон прошел, а злость только усиливалась. Тут была и злость на себя в юности, нескладного и робкого очкарика, и на учителей, которые не могли или не хотели встать на мою защиту. Злость на одноклассников, которые не давали мне жизни и которых я не видел уже много лет, да и по-честному, не горел желанием их видеть. Я ведь даже на выпускной не пошел, так они были мне противны. Уехал сразу же после получения аттестата, вычеркнув их всех из своей жизни. А тут смотри ты, шустрые какие, не только нашли, но и наглости хватило позвонить.

— Эй, Бара, ты слушаешь меня?

Простаков, оказывается, что-то рассказывал.

— Нет, прости, Валентин, я отвлекся. Так что там ты говоришь?

— Говорю, даже Тамарке Ивановой дозвонились. Она вообще из Америки летит.

— Тома? — сердце замерло, потом быстро заби-лось снова. Меня бросило в жар.

— Ну да. Ты что, не помнишь ее? Отличница. Красивая девчонка, только больно уж скромная была.

— Помню, — сухо ответил я, не желая развивать тему.

— Короче, заболтался я с тобой. Я тебе адрес и время скину, а ты сам решай, идешь или нет.

— Хорошо. До свидания, Валентин.

Я сбросил звонок и уставился на телефон.

Помню ли я Томочку? Ее невозможно забыть. Ни на одной картине я не видел такую красоту. Она будто бы вся светилась нежным светом. У нее была тихая улыбка и опущенные пушистые ресницы. Как я мечтал пригласить ее куда-нибудь. В кино или в кафе да просто пройтись по парку. Я так и не решился подойти к ней. А если бы и подошел, то вряд ли что-то получилось бы. Мой отец не позволил бы мне шляться по паркам.

«Порядок и дисциплина!» — девиз моей жизни с раннего детства.

— Любовь? Кака така любовь? — саркастично прищуривал отец глаза, когда кто-то рассказывал о чем-то подобном. — Нет никакой любви. Все это

выдумки бездельников и лентяев, которым заняться нечем. Отношения между мужчиной и женщиной могут быть только рабочими.

— Ну как же, — обычно начинал сопротивляться собеседник, — а мировая литература, музыка...

— Чушь и выдумка. Вот я один раз ввязался на свою голову. Так и надо! Человеку нужен человек, говорили они. Женился... Теперь вот расхлебываю, — отрезал он, недовольно кивая на меня.

— А как же продолжение рода, — предпринимал оппонент очередную попытку доказать важность своей мысли.

— Увлекательная гимнастика и физиология, — подытожил отец.

— А ты учись, сынок. Учеба, карьера и деньги — вот что важно. Остальное туфта.

Такой разговор возникал не раз и не два. Отца постоянно пытались познакомить с «хорошей женщиной», но он был неумолим.

Все вопросы про маму пресекались жестоким: «Умерла. Где похоронена — не знаю».

Смутные образы иногда всплывали в моей памяти, но что может запомнить ребенок трех лет?

— Эх, Тома, Томочка, какая ты сейчас? — прошептал я сам себе, готовя утренний кофе. — Сходить, что ли?

— Что ты там бормочешь? — как ни в чем не бывало прощebetала Алина, заходя на кухню. — Ну и кто это был?

— Алинка, у тебя в роду страусов не было? — недовольно повернулся я к ней.

— А кто ж его знает? — солнечно заулыбалась она. — Может, и были. А что с ними?

— С кем? — растерялся я, сбитый с толку ее непосредственностью.

— Со страусами.

Она уселась за стол, подвернув под себя длинные ноги, и отхлебнула кофе из моей кружки.

— Сядь нормально. Как нормальные люди за столом сидят, — начал было я.

— Орднунг! Ахтунг! — захохотала девушка. — Чем я плохо сижу?

— Покривишь свои красивые ноги, — ледяным тоном произнес я, — и мужики любить не будут.

— А мне не надо мужиков, — деланно надула губки она, — мне ты нужен. Ты такая сладенькая бука.

— Блядь, сколько раз тебе говорить? Прекрати сюсюкать, — я резко поставил чашку на стол, и кофе выплеснулся на столешницу.

— А что больше ты не любишь сюсюкать или убираться?

Она посмотрела на растекающуюся лужу.

— Что ж за день такой? — возмутился я.

— Среда. Самый лучший день, — потянулась она. — Так, а что там со страусом?

— Страус — птичка большая, но... забывчивая. У него мозг меньше, чем его глаз, поэтому он не может вспомнить, что его испугало и куда он бежал уже через три шага.

— Да ладно? — Алина от удивления приоткрыла рот. — Не, это не про меня. Я помню, какой сегодня день.

— Какой? Среда? — передразнил я ее.

— День салона красоты и бассейна.

— У тебя каждый день такой.

— Как меня зовут, помню, и тебя как зовут, тоже помню, — все так же улыбаясь, отчиталась Алина.

— Ну и как меня зовут? — с интересом смотрел я на нее.

— Бука сладенькая.

— Иди ты...

— Ой, ты прав, я уже опаздываю, — подскочила она. — Чао! Звони.

— Беги уж, — вздохнул я, убирая чашки со стола.

Есть же люди, от которых все будто бы отскакивает. Ему говоришь заведомо обидное, а он хохочет и даже не замечает. Не прилипает к ним никакая грязь. Да и не долетает до них, похоже, вовсе. Аalinka из породы таких счастливых людей. В упор

не замечает ни обид, ни проблем. Сколько я уже с ней знаком — лет пять, не меньше. Никогда ничего не требует, не обижается, по первому зову тут как тут. И фигура отличная...

Телефон пикинул, пришло сообщение. Ресторан «Бродячая собака», двадцать пятого октября в шесть вечера.

— С понтами ребята решили отметить. Самый дорогой кабак выбрали, — хмыкнул я. — Неужели Никитична решила хоть разок в жизни внутрь ресторана зайти на законных основаниях. Поеду! Решено!

Две недели до встречи выпускников я представлял их себе. Какие они стали? Как выглядят и чем живет сейчас моя первая, но так и несостоявшаяся любовь? В один из вечеров я даже нашел альбом с фотографиями. За его рассматриванием меня и застал звонок Алины.

— Привет. Неделю не звонишь. Не заболел ли? — защебетала она в трубку.

— Как у тебя так получается? — недовольно откликнулся я, рассматривая свое испуганное лицо на пожелтевшей от времени карточке.

— Что получается? Быть красивой? О! Это, мой милый, тяжкий труд и большие капиталовложения, — рассмеялась девушка.

— Красота — это, понятно, дело наживное, — буркнул я в ответ, — а вот всегда хорошее настроение — это что? Смех без причины — признак дурачины?

— Конечно, — продолжала веселиться она. — Там, где глупость божественна, ум — ничто! Так, может, встретимся? В нашем ресторанчике.

— Скромнее нужно быть, девушка. Нельзя так откровенно предлагать мужчине встречу.

— Так я же не себя предлагаю, а стейк с кровью, как ты любишь.

— Не сегодня. Мне послезавтра уезжать. Нужно еще кое-что сделать.

— Ой, а куда ты едешь? Можно я с тобой? Я так люблю путешествовать.

— Нет, — резко ответил я.

Даже сам себе удивился. На мгновение меня охватила та юношеская робость и стеснительность. Как я могу появиться с Алиной среди тех людей? Мне стало неловко то ли за ее красоту, то ли за самого себя.

— Скажи хоть, куда ты? — нотки обиды проскользнули в ее голосе и исчезли.

— В родной город. На встречу выпускников школы позвали. Ничего особенного. Скукота, наверное.

— В родной город? К отцу? — Алина сделала самый нелогичный вывод из всех возможных. —

Я так хотела бы с ним познакомиться... — мечтательно протянула она.

— Не думаю, что это знакомство доставило бы кому-то удовольствие. — ядовито заметил я.

— Ты делаешь какие-то поспешные выводы. Не стоит решать за других людей. Мы наверняка сможем найти общий язык с твоим папой...

— Алина! — повысил я голос. — Тема моего детства и родственников — табу. Я лучше знаю своего отца. Он сделал все для того, чтобы я прекратил с ним общаться. Мы не виделись и не созванивались больше пятнадцати лет, и очень надеюсь, что все останется так, как есть.

— Ну-у-у, Ванечка... — заныла девушка. — Ты не хочешь с моими родными знакомиться и со своими не знакомишь. Ты меня недолюбливаешь...

— Алин, ты решила совсем испортить мне настроение? — взорвался я. — Мы же договаривались, я просил тебя... никаких Ванечка, Ванюша, котик, зайка и прочий зоопарк с небесными светилами. Меня зовут Иван и больше никак.

— Ладно. Ладно, — испугалась Алина. — Нервный ты какой-то сегодня.

— Да. Я нервный. Я злой. Я гадкий «Я». Что еще ты скажешь? Учти — это может быть последним словом в наших отношениях, — в моем голосе уже слышалась угроза.

— На сегодня все! Не переключайтесь, будет еще много интересного, — развеселилась она. — Обожаю, когда ты сердишься.

— Пока. Вернусь — перезвоню.

Я сбросил звонок. Действительно, чего это я накинулся на бедную девушку? Она всегда жила в стране розовых плюшевых медвежат. Оберегаемая и избалованная сначала родителями, привыкшая получать все и сразу, а потом... Всегда находился тот, кто готов был выполнять ее прихоти и желания. Она же не виновата в том, как я жил и что из этого получилось.